

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-254-258

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

ГУСЕВА Галина Викторовна,

*кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права,
Байкальский государственный университет Россия, Иркутск,*

e-mail: galiguseva@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ВИНА» ОТ РУССКОЙ ПРАВДЫ ДО СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ 1649 ГОДА

Аннотация. В настоящем исследовании проводится историко-правовой анализ эволюции понятия «вина» в российском уголовном законодательстве на протяжении длительного хронологического отрезка – от Русской Правды (XI–XII вв.) до Соборного уложения 1649 г. Автор обосновывает тезис о том, что в указанный период произошел переход от архаичного объективного вменения, при котором внутреннее психическое отношение лица к содеянному не имело правового значения, к зарождению категорий умысла, неосторожности и случая. Особое внимание уделяется ключевым памятникам права: Русской правде, Судебникам 1497 и 1550 гг., а также Соборному уложению 1649 г. В работе выявляются основные этапы становления категории «вина» на раннем этапе развития отечественного права, раскрываются особенности правового регулирования умышленных и неосторожных деяний, анализируется феномен «голого умысла» как специфической уголовно-правовой фикции, впервые нормативно закреплённой в Соборном уложении. Делается вывод о том, что к середине XVII в. в российском праве были заложены основы дифференциации форм вины, что создало предпосылки для последующей систематизации в петровский период и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Ключевые слова: вина, злой умысел, субъективная сторона преступления, Русская Правда, Судебник, Соборное уложение, объективное вменение, голый умысел, неосторожность, формы вины.

GUSEVA Galina Viktorovna,

*Ph.D. in economical sciences, associate professor of the department of theory and history of state and law,
Baikal State University, Russia, Irkutsk*

THE EVOLUTION OF THE CONCEPT OF «GUILT» FROM THE RUSSIAN PRAVDA TO THE CATHEDRAL CODE OF 1649

Annotation. This study provides a historical and legal analysis of the evolution of the concept of «guilt» in Russian criminal law over a long chronological period – from the Russian Pravda (11th–12th centuries) to the Cathedral Code of 1649. The author substantiates the thesis that this period saw a transition from archaic objective imputation, in which a person's internal psychological attitude toward their actions had no legal significance, to the emergence of the categories of intent, negligence, and chance. Particular attention is given to key legal monuments: the Russian Pravda, the Sudebniks of 1497 and 1550, and the Cathedral Code of 1649. The paper identifies the key stages in the development of the category of «guilt» in the early stages of Russian law, reveals the specifics of the legal regulation of intentional and negligent acts, and analyzes the phenomenon of «naked intent» as a specific criminal-legal fiction, first normatively enshrined in the Cathedral Code. It is concluded that by the mid-17th century, the foundations for differentiating between forms of guilt had been laid in Russian law, paving the way for subsequent systematization during the Peter the Great period and in the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845.

Key words: guilt, malicious intent, subjective aspect of crime, Russian Pravda, Sudebnik, Cathedral Code, objective imputation, naked intent, negligence, forms of guilt.

Проблемы вины как психического отношения лица к совершаемому им преступному деянию и его последствиям – один из центральных и дискуссионных вопросов уголовно-правовой науки. На протяжении многих веков отечественные правоведы пытались найти ответ на вопрос: каким образом должно учитываться внутреннее намерение человека при решении вопроса о его ответственности перед законом? Как справедливо отмечают А. Н. Андриевская и Д. А. Костронов, «в древности не имело уголовно-правового значения внутреннее отношение лица к совершаемому им деянию, ответственность наступала по принципу Талиона» [2. с. 332]. Однако в процессе становления централизованного государства правовая мысль постепенно приходила к осознанию необходимости дифференциации наказания в зависимости от степени виновности. В статье вина рассматривается как родовое понятие, охватывающее умысел, неосторожность и случай, что позволяет проследить эволюцию субъективной стороны преступления на начальном этапе – от древнейших правовых источников до крупнейшего законодательного акта Московского государства – Соборного уложения 1649 г.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовно-правового регулирования в связи с определением субъективной стороны преступления и форм вины в период с XI по XVII в. Предметом исследования являются нормы

уголовного законодательства, действовавшие от Русской Правды до Соборного Уложения 1649 г., закреплявшие как само понятие «вина», так и ее разновидности, а также доктринальные источники, отражающие эволюцию правопонимания в данной сфере в заданный исторический период.

Для достижения цели исследования автором применялись следующие методы: историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой, а также методы анализа, синтеза и систематизации.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления истоков формирования одного из фундаментальных институтов уголовного права – субъективной стороны преступления. Понимание того, как российское законодательство впервые отошло от объективного вменения и начало различать умысел, неосторожность и случай, позволяет оценить глубину правовых преобразований последующих эпох. Актуальность выбранной темы подтверждают многочисленные работы ученых, посвященные данной тематике, как в контексте изучения современных реалий, так и с целью проведения историко-правовых исследований [3-6].

Так как эволюцию исследуемой правовой категории нельзя назвать однородной, предлагается разделить анализ истории становления «вины» в период от Русской Правды до Соборного уложения 1649 г. на три этапа (см. рис. 1).

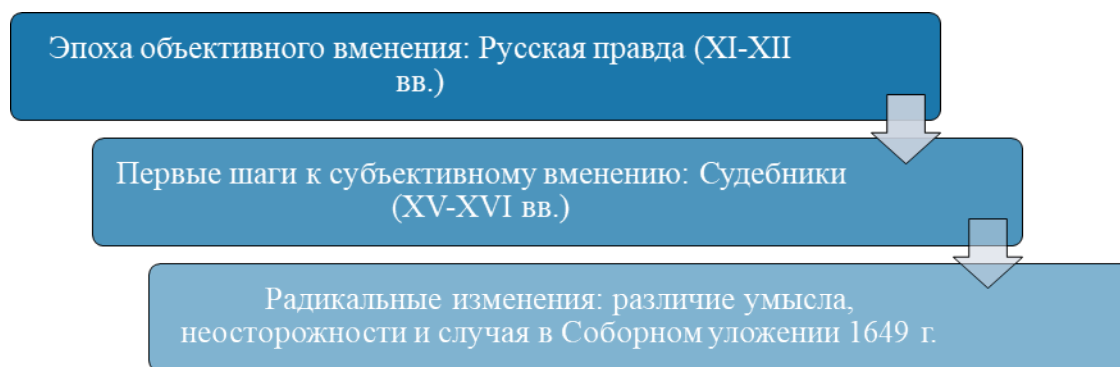

Рис.1. Этапы развития категории «вина» в правовых актах в отечественной истории в период с XI по XVII вв.

Этап I. Эпоха объективного вменения: Русская правда (XI-XII вв.)

Древнейший памятник русского права – Русская Правда в Краткой и Пространной редакциях – не знала четкого разграничения между умышленными и неумышленными деяниями. Как пишут Н. В. Сычева и В. Е. Ежов, «в «Русской Правде» господствовал принцип объективного вменения, при котором преступление («обида»)

отождествлялось с причинением материального вреда, а внутреннее психическое отношение виновного не учитывалось» [7]. Преступные деяния в этом источнике определялись не системно, а казуально, через конкретные примеры.

Тем не менее, некоторые исследователи усматривают в Русской Правде зачатки дифференцированного подхода. Так, ей известно убийство в состоянии сильного возбуждения

вследствие нанесенного личного оскорбления со стороны потерпевшего: «Не терпя ли противу тому ударить мечемъ, то вины ему в томъ нетуть» (ст. 26 Пространной Правды). Кроме того, в ряде статей упоминается «злоумышленное» убийство, однако четкого определения данному понятию не дается.

Важно подчеркнуть, что в Краткой редакции Русской Правды сохранились элементы родовой мести, хотя они уже ограничивались определенными рамками. Ст. 1 Краткой Правды закрепляла право мести брату за брату или сыну за отца. Ответственность носила, по сути, материальный, а не субъективный характер: основное значение имел сам факт причинения вреда, а не то, с каким намерением действовал преступник. Таким образом, на данном этапе категория вины еще не оформилась в самостоятельный правовой институт, а умысел как форма психического отношения к деянию практически не выделялся.

Этап II. Первые шаги к субъективному вменению: Судебники (XV-XVI вв.)

Судебник 1497 г. и Судебник 1550 г. – важнейшие вехи в развитии централизованного российского законодательства. В отличие от Русской Правды, эти нормативные акты уже фиксируют попытки разграничения умышленных и неумышленных деяний. В них впервые прослеживается стремление законодателя учитывать не только факт преступления, но и обстоятельства его совершения, в том числе намерения преступника.

В историко-правовой литературе отмечается, что уже в Судебниках начинает формироваться представление о том, что при определении ответственности необходимо принимать во внимание субъективный момент. Однако терминология остается недостаточно разработанной: единое понятие «умысел» еще не сложилось, а система оставалась преимущественно объективной, не требующей установления вины.

К концу XVI в., по мнению ряда исследователей, законодатель уже подходит к необходимости более четкого разграничения форм вины, однако детального нормативного закрепления это различие еще не получает.

Этап III. Радикальные изменения: различие умысла, неосторожности и случая в Соборном уложении 1649 г.

Соборное уложение 1649 г. – крупнейший законодательный акт Московского государства – по праву считается переломным моментом в эволюции понятия вины на рассматриваемом этапе. Как утверждают Н. В. Сычева и В. Е. Ежов, «к середине XVII века, как свидетельствует

Соборное Уложение, произошёл качественный скачок: в законодательстве впервые выделяются и нормативно закрепляются формы вины – умысел, неосторожность и случай, а также вводятся смягчающие и отягчающие обстоятельства» [7].

Так, Уложение впервые использует термины «вина» и «умысел» в их относительно современном значении. Субъективная сторона преступления стала обуславливаться степенью вины: закон выделил отдельные стадии преступного деяния – умысел, покушение и совершение преступления.

Именно нормативная конструкция ответственности за так называемый «голый умысел» – преступные мысли, выраженные вовне, но не подкрепленные приготовительными действиями, – представляла особый интерес.

Абдулханьянов И.А. в исследовании уголовно-правовых фикций Соборного уложения отмечает, что «установление уголовной ответственности за «голый умысел» является наиболее ярким историческим примером использования юридической фикции при конструировании уголовно-правовых предписаний в Соборном уложении 1649 г.» [1, с. 175]. Это было обусловлено политико-правовыми и социально-экономическими факторами – прежде всего стремлением укрепить самодержавную власть и обеспечить неотвратимость наказания за государственные преступления.

Уложение содержало жесткие нормы об ответственности за умысел против государя. Одна из статей гласила: «Будет кто каким умышлением учнет мыслить на государево здоровье злое дело, и про то его злое умышление кто известит, и по тому извету умышление сыщется допряма, такого по сыску казнить смертью».

В Соборном уложении различался прямой умысел, наказывавшийся смертной казнью, и косвенный умысел (совершенный «в драке, пьяном деле»), влекший менее строгое наказание – битье плетью.

Впервые в истории русского права Соборное уложение 1649 г. начинает различать неосторожные и случайные деяния. Неосторожность рассматривалась как форма вины, влекущая ответственность, в то время как случай (*casus*) исключал наказание. Хотя детальной регламентации эти категории ещё не получили, сам факт их выделения был несомненным шагом вперед на пути к субъективному вменению. В литературе подчеркивается, что «субъективная сторона преступления обуславливалась степенью вины». Это ознаменовало становление субъективного подхода, при котором оценка деяния стала включать анализ волевого и интеллектуального

отношения преступника к содеянному.

Таким образом, на завершающем этапе рассматриваемого периода (середина XVII в.) российское право вплотную подошло к необходимости дальнейшей детализации форм вины, что и было реализовано в последующих законодательных актах петровской эпохи.

Таблица 1. Эволюция понятия вины в российском уголовном праве (XI – XVII вв.)

Памятник права	Хронология	Формы вины	Особенности правового урегулирования
Русская правда	XI – XII вв.	Объективное вменение на принципе талиона	Внутреннее отношение лица не имело значения (ст. 102 Кр. Правды); ответственность за результат (ст. 3-4 Пр. Правды); намеки на «злое умышление» (ст. 4) и неумышленные деяния (ст. 26 Пр. Правды)
Судебники (1497 и 1550 гг.)	XV – XVI вв.	Рождение разграничений	Различие «лихого дела» (умысел) от деяния «по описи» и «по небрежению» (ст. 8-9 Судебника 1497 г.)
Соборное уложение 1649 г.	XVII в.	Зарождение категорий	Выделение умысла, неосторожности и случая (гл. XXI-XXII); умножение наказания за прямой умысел; установление фикции «голового умысла» (гл. II, ст. 1-2)

Проведенный историко-правовой анализ эволюции понятия «вина» от Русской Правды до Соборного уложения позволяет сформулировать следующие обобщения:

Путь от объективного к зарождению субъективного вменения. На начальном этапе с XI в. господствовало объективное вменение, при котором ответственность строилась по принципу талиона и наступала вне зависимости от наличия вины. В Судебниках XV–XVI вв. делаются первые шаги к разграничению умышленных и неумышленных деяний, но терминологически это различие еще не было закреплено.

Начальный этап формирования умысла. Качественный скачок произошел в Соборном уложении 1649 г., когда впервые были нормативно закреплены умысел, неосторожность и случай. Специфической чертой российского права на протяжении нескольких веков являлось наказание за «голый умысел» – преступные мысли, не подкрепленные подготовительными действиями. Это правовое явление, являвшееся фикцией, было вызвано необходимостью защиты государственного строя и личности монарха.

Предпосылки для дальнейшего развития. К середине XVII в. российское законодательство заложило основы дифференциации форм вины, однако детальной систематизации еще не произошло. Следующий этап – петровские реформы и Артикул воинский 1715 г. – развил и дополнил эти начинания, что является предметом отдельного исследования.

Список литературы:

[1] Абдулханьянов И. А. Ретроспективное исследование уголовно-правовой фикции в нормах Соборного уложения 1649 года / И. А. Абдулханьянов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2022. – № 2(58). – С. 172–176. – DOI 10.36511/2078-5356-2022-2-172-176. – EDN JLAIEYG.

[2] Андриевская А. Н. Развитие понятия вины в уголовном праве России и его современная характеристика / А. Н. Андриевская, Д. А. Косторнов // Право и управление. – 2024. – № 12. – С. 332–335. – DOI 10.24412/2224-9133-2024-12-332-335. – EDN IJEDCW.

[3] Корецкий Д.А. Проблема оценки тяжести неосторожных преступлений, связанных с лишением жизни / Д.А. Корецкий, Е.С. Стешич // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 4. — С. 677–687. — DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).677-687.

[4] Маслова Е. В. Преемственность субъективного вменения в российском уголовном законодательстве / Е. В. Маслова // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 308–318. – EDN RCGJWX.

[5] Плаклина Т. А. Проблемы конструкции субъективной стороны преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, в теории уголовного права и судебной практике / Т. А. Плаклина, Л. С. Ярцева // Криминологический журнал Байкальского государственного

университета экономики и права. – 2012. – № 4. – С. 49–55. – EDN PJNXFJ.

[6] Порайко В.В. Реализация принципа вины в преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений и в состоянии опьянения / В.В. Порайко. – DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(3).492-500. – EDN CKVKNG // Академический юридический журнал. – 2025. – Т. 26, № 3. – С. 492–500.

[7] Сычева Н. В. Эволюция понятия вины в российском уголовном праве XI-XVII веков / Н. В. Сычева, В. Е. Ежов // Учёные записки Шадринского государственного педагогического университета. – 2025. – № 4(10). – С. 260–266. – EDN PCOESF.

References:

[1] Abdulkhannyanov I. A. Retrospective study of criminal law fiction in the norms of the Cathedral Code of 1649/I. A. Abdulkhannyanov//Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2(58). – S. 172-176. – DOI 10.36511/2078-5356-2022-2-172-176. – EDN JLAEYG.

[2] Andrievskaya A. N. Development of the concept of guilt in the criminal law of Russia and its modern characteristics/A. N. Andrievskaya, D. A. Kostornov//Law and management. – 2024. – № 12. – S. 332-335. – DOI 10.24412/2224-9133-2024-12-332-335. – EDN IJEDCW.

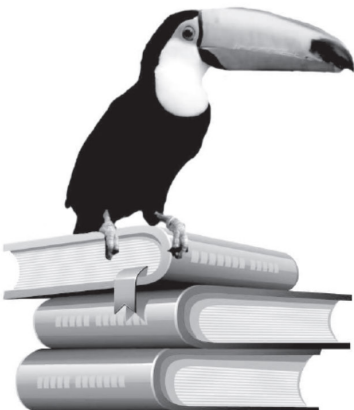
[3] Koretsky D.A. The problem of assessing the severity of careless crimes related to the deprivation of life/D.A. Koretsky, E.S. Steshich//All-Russian Criminological Journal. – 2017. – Т. 11, NO. 4. – S. 677-687. – DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).677-687.

[4] Maslova E.V. Continuity of subjective imputation in Russian criminal law/E.V. Maslova//Legal technique. – 2011. – № 5. – S. 308-318. – EDN RCGJWX.

[5] Plaksina T. A. Problems of constructing the subjective side of a crime under Part 4 of Art. 111 of the Criminal Code of the Russian Federation, in the theory of criminal law and judicial practice/T. A. Plaksina, L. S. Yartseva//Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. – 2012. – № 4. – S. 49-55. – EDN PJNXFJ.

[6] Poraiko V.V. Implementation of the principle of guilt in crimes committed out of hooligan motives and in a state of intoxication/V.V. Poraiko. – DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(3).492-500. – EDN CKVKNG//Academic Law Journal. – 2025. – Т. 26, NO. 3. – S. 492-500.

[7] Sycheva N.V. Evolution of the concept of guilt in Russian criminal law of the 11th-17th centuries/N.V. Sycheva, V.E. Yezhov//Scientific notes of the Shadrinsk State Pedagogical University. – 2025. – № 4(10). – S. 260-266. – EDN PCOESF.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.